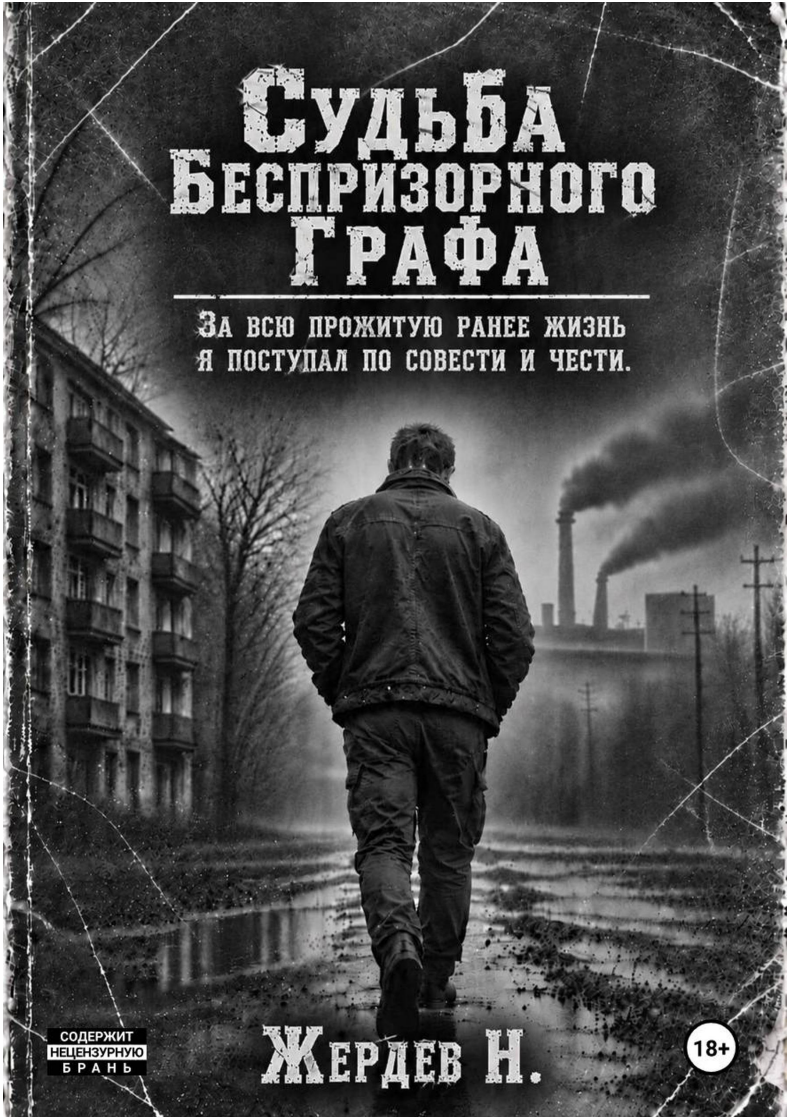

Судьба
Беспризорного
Графа
За всю прожитую ранее жизнь
я поступал по совести и чести.
Содержит
нецензурную
брань
Жердев Н.
18+

Николай Жердев

Судьба беспризорного Графа

https://litres.ru/74936189
SelfPub; 2026

Аннотация

«Судьба беспризорного Графа» — автобиографическая повесть о поиске своего места в жизни, цене свободы и человеческого достоинства. В ней есть жестокость и предательство, дружба и взаимопомощь, потери и попытки начать всё сначала. Автор говорит о пережитом прямо, без сказочных героев и выдуманных приключений.

Содержание

Глава 1. Беспризорное детство 4
Глава 2. Бесшабашная юность 10
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Николай Жердев
Судьба беспризорного Графа

Глава 1. Беспризорное детство

Детдом. Беспризорное детство.
Ни матери нет, ни отца.
Глубокий рубец на сердце.
Душевная пустота…

Где я родился, не знаю. Кто мои родители — тоже. Я никогда их не видел. Моим первым домом стал детский дом на Урале, недалеко от Челябинска. Край суровый, зимы холодные. Но в стенах детдома даже летом негде было согреть душу и почувствовать себя человеком, а не «выблядком», как называли нас воспитатели.

Мне было двенадцать, когда я впервые оттуда сбежал. До этого я жил в мире, где прав тот, у кого крепче кулаки. Воспитатели и администрация не скрывали, что мы для них — нахлебники. Нас били за любую провинность, ставили голыми коленями на горох. Кормили так, что к вечеру живот сводило от голода. Приходилось самим учиться добывать еду за пределами детдома.

Осенью мы воровали запасы на дачах. Это были, как ни странно, счастливые осенние и зимние дни: мы объедались до тошноты, спали там и порой жили месяцами — хозяева в эту пору редко наведывались на свои участки.

Мы собирали бутылки, сдавали их и покупали хлеб. Иногда забирались в чужие квартиры через открытые форточки. Воровали только еду — чтобы выжить.

Помню один случай. Мне было одиннадцать лет. Старшие пацаны подсадили меня к форточке: я должен был забраться в квартиру, открыть окно и передать им всё, что найду. Я открыл холодильник и увидел банку клубничного варенья. Тут же забыл обо всём. Руки у меня были грязные, но я схватил банку и стал есть прямо из неё. Раньше я ничего подобного не пробовал. Вкус того варенья остался в моей памяти навсегда.

— Ты чего тут делаешь, гадёныш?

Я услышал это внезапно и обернулся.

От неожиданности банка выпала у меня из рук и разбилась.

В дверном проёме стоял здоровенный мужик — хозяин квартиры. Разбираться он не стал: схватил меня за уши и принялся пинать, крича и ругаясь. Потом вызвал милицию.

В отделении меня били так, что я не мог встать. Семь дней я пролежал в камере, прежде чем за мной приехали из детдома.

В детдоме меня ждали. Встретили не словами, а кулаками.

— Ты позоришь наш дом! — орал директор, и его слюни летели мне в лицо. — Мы тебя кормим, поим, а ты?! Выблядок неблагодарный! Государство тебя содержит, а ты воруешь!

«Выблядок» — любимое слово не только директора, но и других работников детдома. Мы слышали его каждый день. Мне казалось, они получали какое-то уродливое удовлетворение от своей безмерной власти над нами.

После очередного конфликта меня выгнали из детдома. Я снова оказался среди таких же беспризорных пацанов, как и сам, и мы вместе боролись за существование — как могли.

Мы были одной семьёй, хотя порой дрались между собой жестоко. Зато друг за друга стояли горой.

Мы называли друг друга братьями, порой забывая настоящие имена. У каждого было прозвище. За мной закрепилось «Граф» — наверное, потому, что даже в наших суровых условиях я стремился к чистоте, порядку и порядочности. Честно говоря, многое из того, с чем сталкивала меня судьба, давалось мне легко.

Спали где придётся: на чердаках, в угольных сараях многоэтажек. Тогда дома ещё топили углём, и при каждом был свой закуток. Там мы прятались от холода. Одежда — старая, не по размеру; обувь, как правило, с чужой ноги. Добывали всё это где придётся.

Трижды меня пытались «продать». Всё происходило в актовом зале. Слово «продать» я намеренно ставлю в кавычки:

для нас это выглядело самым настоящим базаром.

В зале сидели семейные пары и одинокие взрослые. Мы, дети, читали со сцены стихи и пели песни. Рядом стоял стол с бланками и печатями. Когда кто-нибудь выбирал ребёнка, администрация громко объявляла: «К тебе мама с папой приехали!» — и начинала оформлять документы.

Трижды меня, словно вещь, отдавали чужим людям, не спросив моего согласия. Я всякий раз сбегал. Меня снова возвращали, оскорбляя, награждая пинками и подзатыльниками.

Это было, когда мне исполнилось восемь, потом девять, потом одиннадцать лет.

В двенадцать меня уже никто не брал. Может, потому что я выглядел взрослее. А может, потому что я перестал верить в «маму и папу».

Детдомом управлял однорукий фронтовик. Вместо левой руки у него была железная клешня. По его прошлому ходили разговоры: будто его выгнали из областного совета за воровство, а потом назначили директором к нам. Он был жестоким и жадным, бил детей своей клешнёй. На День Победы надевал полковничий мундир, грудь — в орденах. Мы смотрели на него и думали: «Наверное, наградили за то, что замучил много детей».

Это был не детский дом — скорее колония. Всё держалось на уголовных законах: прав сильнейший. Дрались жестоко. В ход шли арматура, цепи, металлические части кроватей,

ремни — всё, что попадалось под руку. Иногда драки заканчивались смертью. Пятиклассников администрация уже опасалась трогать: они могли дать сдачи.

Младшие же продолжали жить в постоянном унижении и страхе, мечтая лишь об одном — поскорее вырасти и покинуть стены этого заведения.

В седьмом классе я попал в колонию для несовершеннолетних. Звучит странно, но там оказалось легче. Я чувствовал себя почти как дома: за плечами уже была суровая школа жизни. С малых лет я усвоил, что в таких условиях силу считают властью. С этим у меня проблем не было. Я быстро освоился, научился соблюдать местные правила и заслужил уважение. Уголовники нас не трогали, называя по жизни бродягами.

После колонии я вернулся в детдом. Девятый класс окончил с отличием — если не считать двойки по поведению. Учился легко. Лучшими предметами были русский язык и математика. Мои сочинения занимали первые места, а на контрольных по математике я успевал решить два варианта и помочь пацанам.

Помню, как меня пытались принять в комсомол. Председатель комиссии спросил:

— Сколько стоит булка хлеба?

Я ответил:

— Серая — шесть копеек, белая — десять.

Он заорал так, что брызги полетели:

— Да как ты смеешь?! Булка хлеба — это реки пота и крови! Труд тысяч людей!

Я посмотрел на него и сказал:

— Вы что, серьёзно так думаете?

Я обозвал его дураком и психом и, разрываясь от смеха, покинул это сборище взрослых людей.

Утром воспитательница принесла мне комсомольский билет. Он мне был не нужен, но он давал право на реабилитацию детской судимости. Так я стал комсомольцем.

После девятого класса, в начале июня, нас без всяких проводов погрузили в автобус и увезли в Миасс, в профессионально-техническое училище. Ни выпускного, ни прощания.

Никаких напутственных слов. Впрочем, после всего пережитого они нам уже были не нужны.

Мы радовались, что наконец-то наступила свобода.

Мы не понимали тогда, что детдом был лишь началом сложной и запутанной судьбы. В самостоятельной жизни нам ещё предстояло пройти жёсткий отбор — и не каждому было суждено найти своё место.

Так закончилось моё детство.

Начиналась самостоятельная юность — неизвестная и потому загадочная.

Мне тогда казалось, что теперь я никогда больше не столкнусь с несправедливостью, алчностью и упрёками…

Глава 2. Бесшабашная юность

Детство в прошлом осталось.
Юность — новая жизнь.
И серьёзный экзамен
Ждёт меня впереди…

Беспризорное детство осталось позади. Началась бурная юность, полная новых впечатлений и событий.

Нас привезли в общежитие профессионально-технического училища города Миасса, в Челябинской области. Учебный год уже закончился; оставались только выпускники, которые сдавали экзамены.

Выдали нам талоны на обед в студенческой столовой — и на этом всё. Это было примерно 10–15 июня. Обед был практически один и тот же: суп, гарнир с котлетой или куриной ножкой, полстакана сметаны с сахаром, компот, два маленьких куска серого хлеба и один большой белого. Вроде всё просто, но как было вкусно. Мы сидели в столовой, пока нас дежурный мастер не просил выйти, ссылаясь на отведённое время на обед и большую загруженность. Мы молча вставали, поблагодарив поваров, и уходили. Первое время ещё долго сидели в общаге или во дворе училища, делились положительными впечатлениями между собой. Жалели только об одном: не было завтрака и ужина, так как в училище уже всё было закрыто и начинался ремонт. Директор

вежливо попросил нас потерпеть немного, пока не начнётся новый учебный год.

Такого отношения к себе мы прежде не встречали. Около месяца, пока выпускники сдавали экзамены, жизнь казалась сказкой. Нам даже не верилось, что это происходит с нами.

В один из дней мы услышали музыку и пошли посмотреть. В актовом зале администрация поздравляла выпускников с окончанием училища, а затем начались танцы. Мы, как я сейчас понимаю, были плохо одетыми и дикими. Мы никогда не видели столько красивых девчат — они были разодеты как куклы.

Мне понравилась одна девочка. Я подошёл к ней, хотел познакомиться, а она брезгливо отскочила от меня с криком: «Пошёл вон!» Я был ошарашен и молча, под смех своих друзей, отошёл в сторону. Мы никогда не общались с девчонками и не были на танцах, да и танцевать не умели. Хотя я сам играл самоучкой на гармошке, бряцал на гитаре и сочинял разные блатные песенки, которые мы пели с пацанами. Нам казалось, это круто, а здесь был такой музон, от которого просто дух сводило. От песен Юрия Антонова душа разрывалась, а потом наступало полное душевное опустошение.

Но вот зазвучал рок-н-ролл, который как бы пригласил нас в круг. Мы начали скакать в своём кругу как могли, радуясь жизни и получая огромное удовольствие. Внезапно к нам подошёл дежурный мастер и попросил нас выйти, так как этот вечер только для выпускников. К тому же, сказал

он, мы ведём себя как дикари и очень сильно материмся. Мы молча вышли на крыльцо училища, чувствуя себя не в своей тарелке. С первого же праздника нас попросили. Было очень обидно.

Но вот танцевальный вечер закончился, и все стали расходиться. Тут я опять увидел ту девушку. Она стояла в кругу своих друзей, и они что-то бурно обсуждали, весело смеясь. Я подошёл к ней и предложил проводить её до дома, так как было уже темно. В ответ она оскорбительным тоном и матом послала меня куда подальше, продолжая обсуждать что-то со своей компанией. Я был в шоке. Так состоялось моё первое знакомство с женским полом.

Вдруг ко мне подходит какой-то парень и начинает угрожать, что если он ещё раз увидит даже попытку подойти к этой девушке, сломает мне челюсть. Меня переклинило, я никому не позволял безнаказанно так ко мне относиться. Я просто взбесился и выписал ему с правой. Он упал без движений. Поднялся дикий визг девчат, и на меня набросились все его друзья. Но они не знали, что это одно из самых моих любимых развлечений. Я отправил всех пятерых отдыхать. Мои братья не вмешивались, понимая, что это уже дело чести.

Вскоре выбежали дежурный мастер, директор и дружинники, окружили меня и начали орать. Что они говорили, я не слышал, мне было безразлично. Мгновенно приехала скорая, легавая, и увезли меня в ментовку. Получил я пятна-

дцать суток за хулиганку. Так состоялось моё знакомство с первой девчонкой и местными ментами.

Попав в изолятор, я как будто очутился в своём детстве и, можно сказать, попал в дом родной. Определили меня в камеру к взрослым мужикам. Я вошёл в хату, соблюдая все общепринятые понятия, и присел на своей шконке.

Ночью меня стали лечить, и мне пришлось этим уродам объясняться по понятиям, что они сучёные ментовские шавки и что их место под шконкой. На шум прибежали менты и перевели меня в другую хату. Там были настоящие сидельцы, приняли как положено, поговорили за жизнь, попоили чайком и объяснили, что та хата беспредельная, ментовская. Тогда всё стало на место, я понял, что им поручили проучить меня. Вышел я уже по тем воровским понятиям достаточно известным и уважаемым бродягой.

Когда вернулся к братьям, то не узнал ни их, ни комнату в общаге. Все тумбочки и стёкла были разбиты, на полу оставались грязные кровавые пятна, душки от кроватей сорваны — мы их обычно использовали в драке, пацаны в синяках и ссадинах.

Пацаны рассказали, что через четыре дня после того, как меня увезла ментовка, пришла огромная кодла и избила четверых наших ребят. Всего нас было шестьдесят, но все шарахались по городу, добывая еду, так как к тому времени уже закрылась столовая, и мы были предоставлены сами себе. Самое главное — все были живы. Так мы снова оказались

в привычном нам реальном мире.

Где-то в конце июля пришёл незнакомый парень и назначил нам встречу за городом — «стрелку». Мы знали, что рано или поздно это случится: город небольшой, все друг друга знали. По жестоким правилам того времени обидчики должны были «ответить», иначе потеряли бы уважение.

Мы с удовольствием приняли приглашение и в назначенное время прибыли на указанное место. По тем правилам сначала должны были выйти один на один самые сильные в центр и рубиться до тех пор, пока кто-то не попросит прощения или не вырубится. Вышел я в круг — пятнадцатилетний пацан, против меня мужик лет тридцати, весь синий. Разделись по пояс и начали рубиться. Я впервые встретился с настоящим, достойным бойцом, но всё-таки я его уработал. Он оказался в итоге классным мужиком, с которым мы позже стали корефанами. И он прозвал меня «диким зверем».

После поединка понеслась толпа на толпу. Местная блатота была рыхлой и сильной только понтами и горлом, поэтому почти все разбежались. А кто не успел — остались на пустыре, хоть их было почти в два раза больше и все старше нас. Так мы получили прописку в нашем новом маленьком, но уютном городишке. Больше со стороны местной шпаны, которая держала город, к нам не было вопросов.

Но нам надо было как-то дожить до первого сентября, поэтому, разбившись на группы по десять человек, мы начали промышлять в закреплённых за нами районах. К середине

августа от шестидесяти пацанов осталось двадцать, остальные разбрелись по миру, некоторых приняли менты. Поэтому к учебному году нас осталось только горстка. А жизнь уже никогда не сводила нас после расставания, поэтому я до сих пор не знаю, как сложилась их судьба.

Учебный год начался не без проблем. Пришлось жёстко поставить на место третьекурсников и их приятелей, чтобы прекратить дедовщину в общежитии и «шараге» — так мы называли училище.

Неожиданно для нас учебный процесс начался с подарков. Каждому из нас выдали огромное количество одежды, как нам казалось, а самое главное — всё было подобрано точно по размеру, и нам не пришлось заниматься подгонкой под себя, что тоже казалось просто сказкой. Это были комплекты повседневной зимней и весенней одежды, униформа для посещения занятий. Помимо этого — десять пар носков и трусов, два свитера, две шапки (зимняя и весенняя), фуражка, три пары обуви, тёплый фирменный бушлат и осеннее пальто, а также множество различных мелочей для гигиены. Мыло, зубной порошок и крем для обуви впоследствии получали каждый месяц.

Мы сразу же выбросили все свои тряпки и переоделись в новую форму. Теперь мы не выделялись в любом обществе, а внешне стали его полноценными гражданами. Долгое время ходили по городу, и нам казалось, что счастливее и лучше нас на тот момент не было.

Но вскоре были ошарашены, когда нас вызвал к себе директор — обычно это был плохой знак. Мы между собой пытались найти причину, но так и не нашли. Я прервал эти размышления и сказал пацанам: «Пошли, там всё узнаем». Просто после такого тёплого отношения к нам мы не хотели бы приносить неприятности администрации училища.

Мы вошли в кабинет директора, встали вокруг стола. Сначала стояла какая-то звенящая тишина, затем директор сказал: «Дорогие ребята, сейчас бухгалтер выдаст вам стипендию в размере трёх рублей каждому, которая будет вам выдаваться каждый месяц». Бухгалтер сказала: «Прошу вас, подходите по одному, расписывайтесь и получайте свою первую зарплату». Получив свою долю, каждый молча выходил из кабинета совершенно с другим настроением. Нам казалось, что мы попали в рай: трёхразовое питание с обязательными добавками, огромное количество одежды и деньги — и всё это бесплатно. Разве это не сказка?

Так начались три года нашей самостоятельной юности.

Мы стали надёжной опорой училища. На спортивных турнирах часто побеждали с большим отрывом. В самом училище установился порядок, и мы наконец смогли сосредоточиться на учёбе и обычной жизни.

Мы участвовали во всех спортивных турнирах — как училища, так и города, начиная от лёгкой атлетики до бокса. Раньше в Советской стране это было обязательным условием для всех без исключения учебных заведений, администра-

тивных структур, организаций и предприятий. И для решения данного вопроса к нам обращались через нашего директора. Мы с удовольствием соглашались, так как это было очень выгодно. За каждый этап или выступление каждому из нас платили по два рубля, а чемпиону каждого вида доплачивали ещё по пять рублей. Мы выступали не только в своём городе, но и в области, порой бывало, не находились в училище до месяца. На все эти периоды нас освобождали от обучения и автоматом ставили зачёты. В этот период нас кормили в городских кафе досыта и размещали в отелях по три-четыре человека в комнате, что тоже казалось сказкой после шестидесяти человек в одной комнате детдома и тридцати в училище.

Но занятия спортом постепенно разобщили наш коллектив. Нас начали приглашать в другие учебные заведения и предлагать такие условия, что пацаны соглашались и уходили.

Я тоже получил приглашение после побед в беге на сто метров и на боксёрском турнире, посвящённом известному боксёру. Кажется, его фамилия была Хохряков, но точно не ручаюсь. Нам рассказывали, что он попал в концлагерь, нокаутировал немецкого чемпиона и был за это расстрелян. Эта история произвела на меня сильное впечатление: участвовать в турнире его памяти было особой честью.

Мне предложили перейти в один из институтов Челябинска на очень хороших условиях. К тому времени я получил

звание кандидата в мастера спорта по лёгкой атлетике и боксу.

Я поставил условие: вместе со мной должны принять ещё четверых моих друзей. Поначалу не соглашались, но в конце концов уступили.

И у нас началась новая интересная жизнь. В общаге в одном крыле жили девчата, а в другом — парни. Танцы каждый выходной, стипендия девять рублей, но не было завтраков и ужинов, только обед. Поэтому первое время нам приходилось по воскресеньям подрабатывать на молокозаводе, овощной базе и других предприятиях. Нам не платили, но мы могли брать с собой столько, сколько в состоянии были унести, из расчёта того ассортимента, который выгружали. Исключением была выгрузка цемента россыпью лопатами через верх вагона: за два вагона платили по тридцать рублей каждому, давали возможность помыться в душе и молоко.

Жизнь в институте мало отличалась от студенческой жизни остальных. Нас уважали, хотя я думаю, что некоторые просто боялись. У девчат мы пользовались вниманием. Учился я хорошо, несмотря на частые пропуски: девчата помогали с конспектами, и я был им за это благодарен.

По выходным, когда была возможность, мы встречались с пацанами в Миассе и порой помогали им ставить на место разных оборзевших тварей.

Всё было ровно, пока до меня не докопался комсорг, тре-

буя от меня активного участия в общественной жизни института. Я ржал над ним и называл его публично дебилом и карьеристом, который ни на что не способен, а может только задницу лизать администрации. На тот момент я писал стихи в стенгазету, выступал в различных литературных композициях, защищал честь института во всех спортивных турнирах. Но его бесило, что я не подчинялся ему, как все, публично обзывая его стукачом и посылая на три буквы. Я всегда не переваривал таких уродов, которые были паразитами и стукачами в любом обществе. В одном из таких разговоров он назвал меня выблядком в присутствии огромной аудитории всего курса, за что незамедлительно был наказан — сломанным носом и челюстью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.